

)

Ци Шуюэ покорно поплелся следом.

На самом деле его сердечко до сих пор колотилось где-то в районе горла – он никак не мог сообразить, боится ли он больше той мерзкой мутировавшей зомби или ставшего сейчас куда опаснее Гуань Е.

Гуань Е неотступно следовал в полушаге за ним, дождался, пока Ци Шуюэ переступит порог спальни, шагнул следом и молча запер дверь на замок. Ци Шуюэ, смертельно уставший, уже собирался рухнуть в мягкое кресло, но, услышав щелчок затвора, мгновенно наострил уши и вытянулся по струнке. Мысли его занимало одно: вторая часть примечаний к заданию всё ещё не выполнена.

– Почему... – только Гуань Е подал голос, как Ци Шуюэ перебил его:

– Сколько можно сидеть сиднем в этой крошечной норке и трястись за свои жалкие шкуры? Чем это отличается от смерти?!

Ци Шуюэ не смел показывать слабости и, напустив на себя свирепый вид, в упор уставился на кроваво-красные глаза Гуань Е:

– Гуань Е, я знаю, что ты хочешь защитить меня, но разве ты сможешь оберегать меня вечно? Рано или поздно мне придется с этим столкнуться. Я уже взрослый, я тоже могу убивать зомби и добывать припасы.

С этими словами Ци Шуюэ демонстративно выставил напоказ свой пакет с лунными пряниками.

– Я тебе не бесполезный мусор. И я не хочу... чтобы мои свободы урезали без всяких на то оснований.

Задание по-прежнему не засчитали.

Ци Шуюэ глубоко вздохнул и с трагическим выражением лица выдал ключевую реплику:

– Гуань Е, я лучше умру, чем позволю тебе запереть меня.

Внутри него в этот момент рыдал забавный котик: Прости, брат Е, я вовсе не хотел говорить тебе такое, но эта проклятая система не оставила мне выбора.

К счастью, стоило ему произнести эти слова, как система наконец подала признаки жизни и выдала уведомление:

[Задание два выполнено.]

За выполнение таких побочных заданий полагались бонусные баллы и награды, но на душе у Ци Шуюэ не было ни капли радости. Возможно, всё дело было в том, как невыносимо... печально выглядел сейчас Гуань Е.

Когда Гуань Е только вернулся, он явно злился, Ци Шуюэ это отлично видел. Но стоило ему перевести стрелки и первому пойти в атаку, как выражение лица Гуань Е сменилось с удивленно-растерянного на тревожное и беспокойное, а затем застыло вот в такой... мертвенной маске полного отчаяния.

Вид у него был такой виноватый и мученический, что Ци Шуюэ и сам почувствовал, как на сердце скребут кошки, и оттого испытывал жгучее чувство вины.

В любом случае, раз уж задание выполнено, Ци Шуюэ глубоко вздохнул:

- Но если подумать с другой стороны...

- Прости, - тихо произнес Гуань Е. - Я просто боялся, что ты попадешь в беду. В следующий раз... по крайней мере, иди со мной.

Гуань Е отвел взгляд, опуская глаза и не глядя на Ци Шуюэ:

- Я знаю, Ци Шуюэ. Ты очень сильный.

Ци Шуюэ: - ...

Ци Шуюэ даже на секунду задумался, не начал ли Гуань Е от злости пассивно-агрессивно язвить, но быстро понял, что тот, судя по всему, говорил совершенно искренне.

Гуань Е добавил:

– Больше не говори так.

Ци Шуюэ уже лихорадочно перебирал в уме свои слова, пытаясь сообразить, какое из них было самым обидным, но с удивлением обнаружил, что они все были так себе.

Пока он раздумывал, Гуань Е заговорил заплетающимся голосом, а его расфокусированный взгляд блуждал где-то в пустоте. Вся та жуткая свирепость, с которой он только что крошил зомби, испарилась, оставив лишь растерянность и душевную пустоту. Его тело слегка дрожало, словно он претерпевал невыносимые муки, а голос сел до предела:

– Я... я не хотел, мыслей не было... тебя запирать.

Серьезно? Неужели никогда?

Сделать Ци Шуюэ своей безраздельной собственностью, навсегда, навечно запечатлеть этот миг: стоит только поднять взгляд – и он перед глазами, стоит протянуть руку – и можно коснуться. Насильственно сплавить два совершенно разных мира, привязать Ци Шуюэ к себе так, чтобы он мог полагаться исключительно на него. Зависимость друг от друга, паразитирование – от разума до плоти. Неужели ни разу? Ни единой мыслишки?

В тот же миг в голове словно вонзилось что-то острое, переворачивая всё вверх дном. Жуткая, невыносимая боль прострелила виски, заставив вены на них вздуться и запульсировать. Руки Гуань Е затряслись, его алые глаза налились кровью так, будто из них вот-вот брызнет алый сок, а прекрасное в общем-то лицо исказилось от хлынувшей изнутри разрушительной жажды убийства.

Ци Шуюэ тоже заметил неладное. Забыв о попытках понять, какие именно слова задели парня, он подался вперед, намереваясь поддержать Гуань Е, но тот грубо оттолкнул его.

На мгновение Ци Шуюэ растерялся. Это был первый раз, когда Гуань Е оттолкнул его руку.

Должно быть, он всё-таки разозлился?

Ци Шуюэ мысленно отругал себя: любой бы взбесился, если бы его благие намерения так

извратили, и Гуань Е наверняка имел на это полное право. Поэтому он смягчил тон, стараясь говорить максимально мягко и утешающе:

– На самом деле, подумав хорошенько, я понял, что тоже был неправ – это я всё не так понял. Если возникают какие-то проблемы, нужно нормально разговаривать, а не пытаться доказывать что-то столь радикальными методами... Хорошо еще, что всё обошлось. Не принимай близко к сердцу то, что я наговорил.

– ...Гуань Е?

Но Гуань Е сделал еще шаг назад, отвернувшись так, что лица стало совсем не разглядеть. Под зимним солнцем его лоб покрылся испариной, а сам он бессвязно шептал что-то себе под нос:

– Прости, прости, прости...

Ци Шуюэ подошел ближе, чтобы расслышать, и только собрался заговорить, как Гуань Е, словно реагируя на сильную боль, резко отшатнулся и вскинул на него взгляд.

В этом взгляде было что-то пугающе мрачное – хищник, приценивающийся к добыче. Его покрасневшие глаза сузились почти в вертикальные зрачки, делая его похожим на какого-то зверя.

В прежние времена Ци Шуюэ наверняка бы испугался. Но они провели вместе столько времени, и он уже привык к его красным глазам. А видя сейчас нескрываемое мучение на лице Гуань Е и пот на его лбу, он больше беспокоился за его состояние, подозревая, что у того начался «период боли». Поэтому, не отступая ни на шаг, он упрямо подался вперед и снова ухватил Гуань Е за руку.

Жуткий жар.

Ци Шуюэ испуганно выдохнул:

– Ты...

Ледяное и мягкое прикосновение чужих пальцев легло на кожу, словно горсть снега посреди раскаленного ада, остужая ту обжигающую муку, что едва не сожгла Гуань Е изнутри.

Хочу еще. Жажду еще больше.

Инстинктивно сжав руку Ци Шуюэ в ответ, Гуань Е подался вперед, но тут же замер, сдерживаемый страхом выпустить наружу все свои безумные желания. Он подавлял себя, точно заблудившийся в пустыне путник, увидевший мираж: жаждал влаги, но совершенно не

знал, как до нее добраться.

Он не мог подходить ближе. Если он сделает еще хоть шаг, то снова...

Сделает Ци Шуюэ больно.

Пожалуй, впервые в жизни у Гуань Е промелькнула мысль держаться от Ци Шуюэ подальше.

С самого начала апокалипсиса он страдал чем-то вроде синдрома кожной тоски – ему хотелось липнуть к Ци Шуюэ двадцать четыре часа в сутки, а каждая разлука казалась изощренной пыткой. И тем не менее сейчас он с жесточайшим усилием разжал пальцы, насильственно разнимая их руки, и на глазах у слегка расширившихся светло-карих глаз Ци Шуюэ сделал несколько шагов назад, собираясь броситься к выходу.

И всё же, даже находясь в таком зыбком, неменяемом состоянии, он панически боялся оставить Ци Шуюэ одного – вдруг тот снова куда-то уйдет, пока его нет, и столкнется с зомби?

Поэтому шаги Гуань Е резко оборвались, и он неуклюже, с нелепой резкостью сменил направление, бросив с видом полного спокойствия:

– Я в ванную.

Но в следующую секунду он услышал голос Ци Шуюэ – испуганный, едва ли не дрожащий:

– Гуань Е...

Сопротивляться было бесполезно. Едва успев осознать, что снова поддается нахлынувшей нежности, тело Гуань Е само собой замерло на месте. Мгновение спустя Ци Шуюэ буквально врезался в него.

Жест получился донельзя интимным, но объятием это назвать было трудно: пальцы Ци Шуюэ мелко дрожали, но стоило им коснуться спины Гуань Е, как они тут же отдернулись, словно от раскаленного железа.

Душу Ци Шуюэ заливал такой первобытный, всепоглощающий ужас, что от страха стучали зубы, а запястья не переставая колотила мелкая дрожь. Даже при встрече с той мутировавшей тварью он не испытывал столь открытого, удушающего страха. Перед глазами плыло и чернело, на него накатывала чудовищная, сокрушительная волна, с легкостью смывающая все преграды, и Ци Шуюэ барахтался в этой пучине, совершенно не в силах сопротивляться.

Что-то не так.

Стиснув зубы, Ци Шуюэ заставил себя выдать хотя бы пару связных слов:

- Гуань Е, - прошептал он, - откуда у тебя эта рана на спине?

На спине Гуань Е ткань серовой куртки оказалась рассечена, и из прорези сочилась тончайшая ниточка крови - настолько бледная, что при беглом взгляде она почти сливалась с одеждой, заметить ее было почти невозможно.

Но Ци Шуюэ заметил.

Он уже перебрал в голове бесчисленное множество случайностей и версий: может, случайно зацепился за какой-нибудь острый угол в комнате, а может... Но все эти догадки отдавали откровенным самообманом.

В схватке с мутировавшим монстром Гуань Е двигался настолько легко и непринужденно, что все вокруг просто упустили из виду ту секунду, когда он допустил ошибку.

Зомби подобралась на критически опасное расстояние: даже если ее зубы не успели впиться в плоть, длинные когти легко могли распороть любую защиту.

В эпоху конца света немало опытных искателей приключений погибли именно от заражения через такие вот случайные царапины.

Болевой порог Гуань Е был смещен, а с учетом того, в каком особом состоянии он сейчас находился, неудивительно, что он просто не обратил внимания на эту крошечную, но смертоносную ранку.

Однако вопрос Ци Шуюэ заставил его мгновенно восстановить в памяти ту сцену и четко осознать, откуда взялся этот порез.

После короткой мертвенной тишины Гуань Е глухо произнес:

– Ци Шуюэ, я превращусь в монстра?

Разве главный герой может стать монстром? – подумал Ци Шуюэ.

Но с другой стороны, главный герой по канону и не должен был получать царапины от зомби. А поскольку Гуань Е еще не завершил стадию трансформации и официально не стал эспером, его сопротивляемость вирусу зомби была равна нулю – ничем не лучше, чем у любого обычного человека.

Дикий страх и потрясение, охватившие Ци Шуюэ, проистекали из самого факта слома сюжета. Эта полоска крови, отпечатавшаяся у него на сетчатке, лишила его всякой возможности действовать. С того самого момента, как он осознал: «что-то пошло не так», Ци Шуюэ судорожно прокручивал в голове события сегодняшнего дня, в ужасе задаваясь вопросом: неужели...

Всё из-за его присутствия?

Если бы не он, стал ли бы Гуань Е так часто шнырять по округе в поисках припасов?

И это внезапно свалившееся «самоубийственное задание» – возможно, именно из-за того, что он вышел из комнаты, к ним приманился мутант, которого на этом этапе быть просто не должно. Будь он в безопасности взаперти, Гуань Е не пришлось бы отвлекаться и получать ранение.

Всё складывалось в единую цепочку, звенья которой цеплялись друг за друга, и главным пусковым механизмом во всех бедах был он сам.

Разве не сторонний исполнитель должен был сдвинуть с места и изменить сюжетные рельсы?

Чем дольше Ци Шуюэ думал, тем сильнее паниковал. Страх провала миссии, краха всей мировой линии – вперемешку с тяжелым, давящим чувством вины перед Гуань Е – навалились на него плитой. Они окутали его с головой, не оставляя и просвета, швыряя в бездонную воронку крошечной тьмы. Он даже не заметил, как затрясся всем телом, слезы сами собой брызнули из глаз, а дыхание сбилось в панические частые вздохи.

Ци Шуюэ уже почти не контролировал себя, пытаясь судорожно набрать воздуха в груди, но

кислорода катастрофически не хватало. Вспышка тахикардии и головокружения затуманила сознание, звуки внешнего мира полностью исчезли. Пока вдруг его лицо наполовину не оказалось целиком накрыто широкой теплой ладонью. Резко сократившийся приток воздуха, как ни странно, унял жгучую боль в груди, и сквозь пелену он услышал напряженный голос Гуань Е:

- Ци Шуюэ, дыши медленно, глубже. Не торопись, не паникуй.

Дыхание понемногу выравнилось. Придя в себя, Ци Шуюэ с ужасом обнаружил, что все его слезы размазаны по руке Гуань Е. Он поднял заплаканное лицо: наполовину скрытая ладонью кожа казалась фарфорово-белой, а в карих глазах всё еще плескались слезы, блестящие, как россыпь звезд в ночи. Фокус его взгляда лишь спустя пару секунд сфокусировался на лице Гуань Е.

Ладонь Гуань Е всё еще прикрывала его рот и нос, а его грубые пальцы медленно, бережно стирали слезы с покрасневших щек.

В этих ярко-красных глазах кипела такая безумная, хаотичная смесь эмоций – настолько густая, что казалось, еще секунда, и она перельется через край, захлестнув Ци Шуюэ с головой, – но под всем этим проступало бесконечное, пронзительное нечто, похожее на нежность.

- Ци Шуюэ, – тихо спросил Гуань Е, – ты сейчас меня боишься... или переживаешь за меня?

<http://bllate.org/book/18797/1870132>